

ей стороны он прислушивался к моим замечаниям относительно вокальной стороны произведения, тесситуры, неудобных для пения интервалов, о возможностях их изменения. Все его романсы я прошла с ним". "В больших симфонических концертах, — рассказывает Нежданова, — где Сергей Васильевич выступал как дирижер, я иногда пела под его управлением различные оперные арии, в частности, из оперы "Лакме". В этих же концертах он изумительно аккомпанировал мне на рояле свои романсы. Его вдохновенный, выразительный, проникновенный аккомпанемент так воодушевлял меня, что невольно исполнение их приобретало еще больше выразительности, чувства и блеска".

Однажды в 1906 году стечение обстоятельств, связанное с жесткими условиями театральной конторы, чуть было не поссо-

«...Как драгоценное воспоминание»

(К 125-летию со дня рождения
С. В. Рахманинова и А. В. Неждановой)

На заре XX века почти двадцать лет плодотворно развивалось творческое содружество двух великих артистов России — С. В. Рахманинова и А. В. Неждановой. Десятки совместных выступлений на концертной эстраде — в симфонических и камерных вечерах, в спектаклях Большого театра, где в течение двух сезонов (1904—1906) Рахманинов стоял за дирижерским пультом, многочисленные репетиции, оживленное, заинтересованное обсуждение творческих замыслов, совершенствование новых вокальных сочинений, практические советы великой русской певицы, которыми так дорожил композитор... В этом содружестве были свои памятные вехи — радости, размолвки, всплески вдохновения — именно так, как это и бывает в жизни.

Познакомились они в 1899 году. Эпизодические встречи у рояля в домах общих знакомых — Кусевитских, Ушковых, Морозовых переросли в 1904 году в регулярную работу над оперными партиями, которые они вначале проходили под рояль (часто заболевшего пианиста заменял Рахманинов). В отличие от других певцов, которым дирижер делал множество замечаний, Неждановой он обычно выражал свое удовлетворение и предоставлял певице руководствоваться собственным безупречным вкусом и взглядом на исполнение.

До сих пор сохранился и превосходно звучит рояль фирмы "Стенвей", который перед покупкой отбирал для Неждановой, в тон ее серебристо-жемчужному голосу, сам Рахманинов (сейчас он находится в Музее-квартире великой русской певицы). Именно за этим роялем проходили многочисленные репетиции двух артистов.

В "Воспоминаниях" Неждановой, которые находятся в Музее музыкальной культуры, сохранились некоторые подробности этих встреч. "Исполняя романсы Сергея Васильевича, — пишет артистка, — я всегда интересовалась его мнением и следовала тем указаниям, которые он делал относительно ритма, темпов, фразы, различных нюансов, фермато и пр. Со сво-

рило их. Во всяком случае, оба тяжело переживали вынужденный отказ Неждановой от участия в премьере оперы Рахманинова "Франческа да Римини". Как известно, заглавную партию композитор писал в расчете на ее голос и возможности: "Я с удовольствием отделяла партию, — пишет она. — На репетициях Сергей Васильевич был очень доволен моим исполнением". Однако дирекция настаивала на обязательном участии молодой певицы одновременно и в другой, новой для нее и совершенно иного характера партии — Царицы ночи в опере Моцарта "Волшебная флейта". Репетиции этих спектаклей совпадали. Не желая подводить Рахманинова на премьере "Франчески", она, фактически, вынуждена была пойти на этот шаг, что, по ее словам, "вызвало крайнее неудовольствие и даже обиду" Рахманинова.

В 1912 году Неждановой было присвоено звание заслуженной артистки Императорских театров. Рахманинов, узнав об этом событии, посылает ей телеграмму: "Примите душевные поздравления от Вашего искреннего почитателя".

Вероятно, с этого времени начинается новый период творческих взаимоотношений. Его вершиной стало создание бессмертного "Вокализа" (соч. 34, № 14), работу над которым отличала атмосфера подлинного творческого содружества.

В один из памятных дней, как пишет Нежданова, "я была ослеплена исключительным вниманием со стороны Сергея Васильевича: он написал для меня и посвятил мне чудесный "Вокализ". Это талантливое прекрасное произведение, написанное с большим художественным вкусом, знанием, произвело сильное впечатление. Когда я высказала ему свое сожаление, что в этом произведении нет слов, он сказал: "Зачем слова, когда вы своим голосом и исполнением сможете выразить все лучше и значительно больше, чем кто-нибудь словами".

"Это было так убедительно, серьезно сказано, — продолжает Нежданова, — и я так этим была тронута, что мне

оставалось только выразить ему от всей души свою глубокую благодарность за такое лестное мнение и исключительное отношение ко мне".

"Вокализ" свой, — свидетельствует великая певица, — до напечатания он приносил ко мне и играл его много раз. Мы вместе с ним для более удобного исполнения обдумывали нюансы, ставили в середине фразы дыхания. Репетируя со мной, он несколько раз тут же менял некоторые места, находя каждый раз какую-нибудь другую гармонию, новую модуляцию и нюансы. Затем, после того, как "Вокализ" был оркестрован, я в первый раз спела его с оркестром под управлением дирижера С. А. Кусевитского в Большом зале Благородного собрания. Успех Рахманинова как великого композитора был колоссальный. Я была бесконечно счастлива тем, что

часть заслуженного успеха принадлежала также и мне как исполнительнице. Рукопись "Вокализа", которую он мне подарил до концерта, хранится у меня как драгоценное воспоминание о гениальном композиторе".

Ныне эта рукопись находится в архиве композитора в Музее музыкальной культуры и представляет собой ранний вариант произведения, датированный 1 апреля 1915 года. В окончательном виде "Вокализ" датирован 21 сентября 1915 года и значительно отличается от предварительного варианта, который был подарен Неждановой. Известный музыковед В. М. Богданов-Березовский, проведя сравнительный анализ двух рукописей, пришел к аргументированному выводу: "Все сделанные первой советницей композитора предложения вошли в окончательную редакцию "Вокализа". Композитор принял их, увидев в них исполнительски осознанную наилучшую форму конкретизации своего собственного замысла". Интересующихся деталями этого увлекательного исследования, мы отсылаем к книге "Антонина Васильевна Нежданова. Материалы и исследования". (М. 1967. С. 261—264). Здесь же обратим внимание лишь на несколько показательных деталей. Так, сверху на первом листе рукой Рахманинова написано "cis moll" — это предложенное певицей и принятое композитором транспонирование (из самой мрачной минорной тональности "es moll" — в более светлую). Затем, в некоторых тактах вокальной партии карандашом зафиксированы варианты решения мелодической линии, направленные на придание ей большей распевности, протяженности за счет сокращения дробности ориентированного движения. Наконец, изучая первое печатное издание, нельзя не обратить внимание, насколько богаче стали гармонии, подголоски, органичнее все произведение в целом и в деталях.

К сожалению, хрупкая граммофонная промышленность России, напругенная первой мировой войной, в течение почти трех последующих десятилетий не

смогла зафиксировать неповторимое искусство великой русской певицы, находившейся в полном расцвете творческих сил. Однако сохранились воспоминания Н. С. Голованова, которому в течение двадцати семи лет посчастливилось быть постоянным аккомпаниатором А. В. Неждановой. "Я много работал с ней, — пишет Голованов, — и поэтому знаю все тонкости ее исполнения... Вот как, например, она исполняла "Вокализ" С. В. Рахманинова, ей посвященный, который она неоднократно пела под прекрасный аккомпанемент автора. Надо сказать, что это одно из труднейших вокальных сочинений, где все скромно и как будто просто. Но, исполняя этот шедевр, нужно раскрыть всю глубину мысли, громадное внутреннее содержание, философскую созерцательность, скорбную патетику... и главное — нужно вдохновенно использование напевности во всей ее трогательности и нежности... Внимание Антонины Васильевны было обращено на постоянное легато и в связи с этим на длительность дыхания. Она также искала нужную динамику и нюансы, тут были бесконечные пробы crescendo и diminuendo, ritenuto и accelerando. Остановившись на верхнем до-диез на тончайшем пианиссимо, она делала небольшое crescendo и снова уходила на пианиссимо — прием, не всякому доступный по своей трудности. Пробовались оттенки звучания: как взять ту или иную ноту — ближе, глубже, светлее, темнее, и, наконец, велась вдохновенные поиски нужного настроения — тихой грусти, светлой, целомудренной печали — и того неопишемого "чуть-чуть", которое в искусстве — все".

Как известно, Рахманинов с певцами записывался крайне редко. Запись оркестровой редакции "Вокализа" с Филадельфийским симфоническим оркестром в 1929 году стала прощальным приветом прекрасным годам творчества в России.

Владимир РУДЕНКО

На снимках:

1. Антонина Васильевна Нежданова.
2. Сергей Васильевич Рахманинов.

Сергей Васильевич Рахманинов
(к 125-летию)
04.1998